

Интертекстуальный анализ стихотворения Е.А. Евтушенко «Молитва перед поэмой»

В статье предложена схема интертекстуального анализа поэтического произведения; выявлена специфика реализации категории интертекстуальности в стихотворении Е.А. Евтушенко «Молитва перед поэмой»; рассмотрены фигуры интертекста, а также особенности интертекстуального взаимодействия фрагментов стихотворения Е.А. Евтушенко с произведениями русских классиков (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А.А. Блока, Б.Л. Пастернака, С.А. Есенина и В.В. Маяковского).

Ключевые слова: *интертекстуальность; интертекстуальный анализ; прецедентный текст; прецедентное высказывание; фигуры интертекста; аллюзия; аппликация; парафраз.*

Tatiana N. Kolokol'tseva

Intertextual Analysis of the Poem «Molitva pered Poemoi» by E.A. Evtushenko.

The article offers the scheme of intertextual analysis of the poetic text, educes the specifics of the intertextuality category in the poem «Molitva pered Poemoi» by E.A. Evtushenko, considers the figures of intertext and the special aspects of intertextual interplay of the fragments by E.A. Evtushenko with the works of Russian classical writers (such as A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, N.A. Nekrasov, A.A. Blok, B.L. Pasternak, S.A. Esenin i V.V. Majakovskij).

Key words: *intertextuality; intertextual analysis; precedent text; precedent statement; intertext figures; allusion; applique; paraphrase.*

Легендарный поэт-шестидесятник Е.А. Евтушенко, ушедший из жизни 1 апреля 2017 г., оставил после себя обширное творческое наследие, изучение которого займет, вероятно, многие десятилетия. К числу знаковых и широко известных произведений автора относится знаменитая «Молитва перед поэмой», являющаяся вступлением к поэме «Братская ГЭС» (1964–1965). В этом стихотворении сконцентрированы размышления Е.А. Евтушенко об уникальной роли поэта в России, о гражданственном звучании русской поэзии, о важности творческой преемственности.

«Молитва перед поэмой» представляет большой интерес в аспекте категории интертекстуальности, поскольку данный текст буквально пронизан многочисленными

интертекстуальными связями. Начальная строка произведения *Поэт в России — больше, чем поэт* давно стала крылатой, о чем убедительно свидетельствует, в частности, следующий факт: на соответствующий запрос поисковая система «Яндекс» выдает в общей сложности 92 миллиона ответов.

Как известно, категория интертекстуальности в настоящее время привлекает пристальное внимание ученых (см. работы И.В. Арнольд, Ю. Кристевой, Н. Пьегро, Н.А. Кузьминой, Т.Е. Литвиненко, В.П. Москвина, Н.С. Олизько, Н.А. Фатеевой, В.Е. Чернявской и многих других). Вслед за Е.А. Баженовой, мы будем понимать под интертекстуальностью, «текстовую категорию, отражающую соотносительность одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [Баженова 2003: 104]. Интертекстуальность получает свое выражение через серию фигур интертекста, подробно описанных, в частности, в коллективной монографии под ред. Т.Н. Колокольцевой и В.П. Москвина «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов» (2014).

«Молитва перед поэмой» во многом близка по своей организации жанру послания. Основная часть данного текста включает серию фрагментов, адресованных великим русским поэтам, чье творчество

Татьяна Николаевна Колокольцева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания

E-mail: tatnk@inbox.ru

*ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
пр. Ленина, д. 27, Волгоград, 400131, Россия
Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenin av., Volgograd, 400131, Russian Federation*

Ссылка для цитирования: Колокольцева Т.Н. Интертекстуальный анализ стихотворения Е.А. Евтушенко «Молитва перед поэмой» // Русский язык в школе. – 2018. – № 6. – С. 59–63. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-59-63.

является для Е.А. Евтушенко внутренним ориентиром: А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, Н.А. Некрасову, А.А. Блоку, Б.Л. Пастернаку, С.А. Есенину, В.В. Маяковскому. Каждый из стихотворных фрагментов, обращенных к столпам русской поэзии, строится по одной и той же схеме, которую можно условно обозначить как «Дай, N, мне...», где в качестве желаемых объектов называются определенные качества, важные для стихотворца.

Эти семь фрагментов, адресованных русским поэтам, существенно различаются своей внутренней организацией. Каждый из микротекстов интертекстуально насыщен и в концентрированном виде несет информацию об идюстии соответствующего автора: о его излюбленных ритмических моделях, а также о стилистически значимых концептах, наиболее ярких образах и символах. Остановимся на этом подробнее.

Первый микротекст, написанный четырехстопным ямбом, обращен к А.С. Пушкину:

Дай, Пушкин, мне свою певучесть,
свою раскованную речь,
свою пленительную участь —
как бы шая, глаголом жечь.

Приведенный катрен близок по ритмической организации к последнему четверостишию знаменитого пушкинского «Пророка» (в обоих случаях использованы четырехстопный ямб и перекрестная рифмовка). Финалом прецедентного текста является широко известный призыв: *Глаголом жги сердца людей!* В последнем стихе рассматриваемого четверостишия из «Молитвы перед поэмой» Е.А. Евтушенко содержится парафраз¹, восходящий к пушкинскому высказыванию: *как бы шая, глаголом жечь*. В качестве других показателей интертекстуальности отметим типичные для А.С. Пушкина эпитеты *раскованный, пленительный*. Впечатление певучести, столь характерное для пушкинской поэзии, создается Е.А. Евтушенко за счет звуковой инструментальности, прежде всего благодаря активному использованию сонорных *л, н, р* и сонанта *в*, которые замедляют темп речи, тем самым делая ее тональность более торжественной.

¹ Термин *парафраз* обозначает прием, состоящий в изменении лексического состава прецедентного высказывания или текста, известного широкому кругу читателей.

Второй микротекст адресован М.Ю. Лермонтову и представляет собой шестистишие, также написанное четырехстопным ямбом:

Дай, Лермонтов, свой желчный взгляд,
своей презрительности яд
и келью замкнутой души,
где дышит, скрытая в тиши,
недоброты твоей сестра —
лампада тайного добра.

Строфа характеризуется парной рифмовкой (AABBCC), которая использована, в частности, в таких известных произведениях М.Ю. Лермонтова, как «Три пальмы» и «Отчего».

В то же время отметим несколько существенных ритмических различий: «Три пальмы» написаны М.Ю. Лермонтовым четырехстопным амфибрахием, а «Отчего» — шестистопным ямбом. В обоих указанных лермонтовских произведениях мужская рифма чередуется с женской, тогда как у Е.А. Евтушенко используется только мужская рифма.

Интертекстуальные связи «Молитвы перед поэмой» Е.А. Евтушенко и произведений М.Ю. Лермонтова выражаются главным образом при помощи аллюзий². *Желчный взгляд* классика на жизнь современной ему николаевской России в целом и светского общества в частности — явление общеизвестное. Не случайно «презрительности ядом» пропитаны многие стихи М.Ю. Лермонтова. Такое настроение отражено, например, в финальных строках стихотворения «Как часто, построю толпою окружен...»:

О, как мне хочется смутить веселость их //
И дерзко бросить им в глаза *железный стих*, //
Облитый горечью и злостью!..

Использованное Е.А. Евтушенко метафорическое словосочетание *келья замкнутой души* — аллюзивный намек на душевное одиночество лирического героя М.Ю. Лермонтова. Последнее двустишие (*недоброты твоей сестра — лампада тайного добра*) построено на типичной для его стиля фигуре контраста, как бы подчеркивая парадоксальность соотношения добра и зла в творчестве поэта.

² Под *текстовой аллюзией* мы, вслед за В.П. Москвиным, понимаем «словесный намек на определенный известный адресату текст» [Москвин 2014: 25].

Микротекст, обращенный к Н.А. Некрасову, представляет собой восьмистишие, написанное анапестом — одним из любимых трехсложных стихотворных размеров классика:

Дай, Некрасов, уняв мою резвость,
боль иссеченной музы твоей —
у парадных подъездов и рельсов
и в просторах лесов и полей.
Дай твоей неизящности силу,
Дай мне подвиг мучительный твой,
чтоб идти, волоча всю Россию,
как бурлаки идут бечевою.

Приведенный фрагмент «Молитвы...» обнаруживает отчетливые интертекстуальные связи с рядом произведений Н.А. Некрасова, прежде всего с известным стихотворением «Размышления у парадного подъезда». Прецедентный некрасовский текст написан разностопным анапестом, где в рамках строфы чередуются восьми-, шести- и семи-сложные стихи. Е.А. Евтушенко при стилизации стихотворной манеры Н.А. Некрасова использует нестрогий вариант анапеста. Об интертекстуальной связи сопоставляемых произведений свидетельствуют также употребленные Е.А. Евтушенко текстовые аппликации³: *у парадных подъездов и как бурлаки идут бечевою*.

Анализируемый фрагмент «Молитвы перед поэмой» обнаруживает интертекстуальные связи и с другими произведениями Н.А. Некрасова. Словоформа *у рельсов* аллюзивно отсылает нас к стихотворению «Железная дорога», а образ *иссеченной музы* — к произведению «Вчерашний день, часу в шестом...»:

Вчерашний день, часу в шестом, // Зашел я на Сенную; // Там били женщину кнутом, // Крестьянку молодую. // Ни звука из ее груди, // Лишь бич свистал, играя... // И Музе я сказал: «Гляди! // Сестра твоя родная!»

Благодаря умелому воспроизведению ритмических особенностей поэзии Н.А. Некрасова, а также интертекстуальным переключкам «Молитвы...» с известными некрасовскими произведениями, Е.А. Евтушенко в целом удачно стилизует авторскую манеру своего знаменитого предшественника.

³ Под *текстовой аппликацией* мы, вслед за В.П. Москвиным, понимаем «прием цитирования без ссылки на источник» [Москвин 2014: 24].

Микротекст, адресованный А.А. Блоку, представляет собой катрен, написанный разностопным ямбом:

О, дай мне, Блок, туманность вещую
и два кренящихся крыла,
чтобы, тая загадку вечную,
сквозь тело музыка текла.

Данный фрагмент пронизан концептами и образами блоковской поэзии. Упомянутая Е.А. Евтушенко *туманность вещая* возникает как отражение важного для поэзии А.А. Блока образа тумана, представленного в ряде его текстов:

Дыша духами и туманами, // Она садится у окна. («Незнакомка»).

Е.А. Евтушенко не случайно включает в данный фрагмент «Молитвы...» существенные *загадка* и *музыка*. Эти слова являются именами концептов, ключевых для творчества А.А. Блока, который видит мир как некую тайну, неразрешимую загадку; музыка же для поэта — тоже одна из загадок. Саму суть жизни А.А. Блок воспринимает через звуковые волны; музыка, разлитая вокруг, волнует и восхищает его:

О, сколько *музыки* у Бога, // Какие звуки на земле!
(«В ночи, когда уснет тревога...»).

Чувствовать музыку (в том числе и музыке поэзии) так, как чувствовал ее А.А. Блок, — великое счастье, к которому стремится и лирический герой Е.А. Евтушенко.

Итак, интертекстуальная переключка с произведениями А.А. Блока устанавливается в анализируемом фрагменте прежде всего при помощи аллюзий.

Микротекст, обращенный к Б.Л. Пастернаку, представляет собой блестящий образец воспроизведения идиостилевых особенностей поэта:

Дай, Пастернак, смещение дней,
смещение веток,
срашение запахов, теней
с мученьем века,
чтоб слово, садом бормоча,
цвело и зрело,
чтобы вовек твоя свеча
во мне горела.

На наш взгляд, интертекстуально данная строфа теснее всего связана со знаменитым стихотворением Б.Л. Пастернака

«Зимняя ночь». Наблюдается тонкая ритмическая и содержательная подстройка к этому тексту. «Зимняя ночь» написана разноstopным ямбом с чередованием восьми- и пятисложных строк. Напомним начало этого прецедентного текста:

Мело, мело по всей земле // Во все пределы.
// Свеча горела на столе, // Свеча горела.

У Евтушенко ритмическая структура микротекста, обращенного к Пастернаку, выглядит аналогичным образом. В интертекстуальном плане рассматриваемую строфу из «Молитвы перед поэмой» Евтушенко и «Зимнюю ночь» Пастернака сближает парафраз *чтобы вовек твоя свеча во мне горела*. Данную фигуру интертекста нельзя не признать удачной, поскольку в ее основе лежит один из самых известных образов Пастернака, ставший ярким поэтическим символом — символом свечи как знака духовного горения. Эффект парафразы возрастает благодаря расположению данной фигуры в сильной позиции конца стихотворной строфы.

Интертекстуальная переключка между произведениями Е.А. Евтушенко и Б.Л. Пастернака обеспечивается также благодаря использованию образа сада. Данный образ представлен в целом ряде текстов Б.Л. Пастернака:

Простор вселенной был необитаем, / И только сад был местом для житья. («Гефсиманский сад»);

Давай ронять слова, / Как сад — янтарь и целду, / Рассеянно и щедро, / Едва, едва, едва. («Давай ронять слова...»).

Завершая анализ данного микротекста, отметим, что Е.А. Евтушенко удачно стилизует пастернаковскую метафорику (*смущенье веток, мученье века; слово, садом бормоча, цело и зрело*). В целом анализируемая строфа, благодаря уместному использованию фигур интертекста и других изобразительно-выразительных средств, дает читателю яркое представление об особенностях идиостиля Б.Л. Пастернака.

Микротекст, обращенный к С.А. Есенину, представляет собой катрен, написанный пятистопным ямбом:

Есенин, дай на счастье нежность мне
к березкам и лугам, к зверью и людям
и ко всему другому на земле,
что мы с тобой так беззащитно любим.

Начальный стих данного фрагмента содержит парафраз первой строки известного стихотворения С.А. Есенина «Собаке Качалова»: *Дай, Джим, на счастье лапу мне...* Во втором стихе анализируемого катрена из «Молитвы перед поэмой» перечисляются наиболее яркие образы есенинской поэзии. Так, *березка*, по сути, является сквозным образом для творчества С.А. Есенина и представлена во множестве его текстов, хорошо знакомых российским читателям:

Я навек за туманы и росы // Полубил у березки стан, // И ее золотистые косы, // И холщовый ее сарафан. («Ты запой мне ту песню, что прежде...»).

Таким образом, интертекстуальные связи «Молитвы...» Е.А. Евтушенко и произведений С.А. Есенина устанавливаются с участием парафразы и серии аллюзий.

Микротекст, адресованный В.В. Маяковскому, имеет в своей основе ритмическую модель разноstopного ямба и выстроен в виде знаменитой «лесенки», усиливающей акцентное звучание стиха:

Дай, Маяковский, мне
 глыбастость,
 буйство,
 бас,
непримиримость грозную к подонкам,
чтоб смог и я,
 сквозь время прорубясь,
сказать о нем
товарищам-потомкам...

В интертекстуальном плане приведенный фрагмент переключается прежде всего с поэмами В.В. Маяковского «Облако в штанах» и «Во весь голос». Использованный Е.А. Евтушенко окказионализм *глыбастость*, вероятнее всего, представляет собой аллюзию к строкам *Что может хотеться этойкой глыбе? А глыбе многое хочется!* («Облако в штанах»). Кроме того, здесь, возможно, содержится намек на ярко выраженную склонность В.В. Маяковского к индивидуальному словотворчеству. Существительные *буйство*, *бас* не только отражают поведенческие и речевые характеристики поэта (необузданный нрав, громкий голос), но и одновременно аллюзивно отсылают читателя к прецедентным высказываниям, в частности: *Мир огрёмив мощью голоса, иду — красивый, двадцатидвухлетний*. («Облако в штанах»). Метафорическое словосочетание *сквозь время*

прорубая — аллюзия к строкам В.В. Маяковского *Мой стих // трудом // громаду лет прорвет // и явится // весело, // грубо, // зримо...* («Во весь голос»). Не вызывает сомнений текстовая принадлежность аппликации *товарищам-потомкам*, поскольку это обращение неоднократно используется в поэме «Во весь голос»:

Уважаемые *товарищи потомки!*;

Слушайте, // *товарищи потомки*, // агитатора, // горлана-главаря).

В целом в анализируемом фрагменте «Молитвы перед поэмой», на наш взгляд, очень точно переданы идиостилевые характеристики поэзии В.В. Маяковского, которого Е.А. Евтушенко не только высоко ценил, но и считал одним из своих непосредственных учителей.

Таким образом, «Молитва...» представляет собой смелый и весьма успешный интертекстуальный эксперимент Е.А. Евтушенко. В произведение включено семь микротекстов, обращенных к великим российским поэтам А.С. Пушкину, М.Ю. Лермонтову, Н.А. Некрасову, А.А. Блоку, Б.Л. Пастернаку, С.А. Есенину и В.В. Маяковскому. Благодаря ритмической подстройке к произведениям данных авторов и удачному использованию фигур интертекста (аллюзии, аппликации и парафраза), Е.А. Евтушенко точно воспроизводит идиостилевые особенности столпов русской поэзии и облакает в яркую поэтическую форму идею творческой преемственности.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. — СПб., 1999.

Баженова Е.А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. — М., 2003.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. — М., 2000.

Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Екатеринбург, 1999.

Литвиненко Т.Е. Интертекст и его лингвистические основы (на материале латиноамериканских художественных текстов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Иркутск, 2008.

Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. — М., 2011.

Москвин В.П. Теория интертекстуальности: категориальный аппарат. Глава 1 // Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов: коллект. монография / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, В.П. Москвин. — М., 2014.

Олизько Н.С. Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса: На материале произведений Дж. Барта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2002.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. — М., 2008.

Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. — М., 2007.

Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. — М., 2009.

REFERENCES

Arnol'd I.V. Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost', Sankt-Petersburg, 1999.

Bazhenova E.A. Intertekstual'nost', in *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka*, ed. M.N. Kozhina, Moskva, 2003.

Kristeva Yu. Bahtin, slovo, dialog i roman, in *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k post-strukturalizmu*, Moskva, 2000.

Kuz'mina N.A. Intertekst i ego rol' v protsessah evolyutsii poeticheskogo yazyka: extended abstract of PhD's thesis, Ekaterinburg, 1999.

Litvinenko T.E. Intertekst i ego lingvisticheskie osnovy (na materiale latinoamerikanskikh hudozhestvennykh tekstov): extended abstract of PhD's thesis, Irkutsk, 2008.

Moskvin V.P. Intertekstual'nost': Poniatiynyi apparat. Figury, zhanry, stili, Moskva, 2011.

Moskvin V.P. Teoriya intertekstual'nosti: kategorial'nyi apparat. Chapter 1, in *Intertekstual'nost' i figury interteksta v diskursah raznykh tipov*: multi-authored monograph, science ed. Kolokol'tseva T.N., Moskvin V.P., Moskva, 2014.

Oliz'ko N.S. Intertekstual'nost' kak sistemoobrazuyushhaia kategoriya postmodernistskogo diskursa: Na materiale proizvedenii Dzh. Barta: extended abstract of Ph candidate's thesis, Cheliabinsk, 2002.

P'ege-Gro N. Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti, Moskva, 2008.

Fateeva N.A. Intertekst v mire tekstov. Kontrapunkt intertekstual'nosti, Moskva, 2007.

Chernyavskaya V.E. Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost', Moskva, 2009.